

*Soda
Press*

Eunice Chan

This Side
of Falling

Юнис Чан

ИЗНАНКА ПАДЕНИЯ

*Перевела с английского
Александра Самарина*

SODA PRESS
Москва, 2027

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
Ч-18

THIS SIDE OF FALLING
by Eunice Chan

Все права защищены, включая право на полное
или частичное воспроизведение в любой форме.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события
либо являются плодом авторского воображения, либо используются
вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми,
деловыми учреждениями, событиями или местами случайно.

Чан, Юнис.
Ч-18 Изнанка падения : [роман] / Юнис Чан ; пер. с англ. А. Самариной. — Мо-
сква : Soda Press ; Эксмо, 2027. — 304 с.

ISBN 978-5-04-250913-1

«Все это нереально» — эти три слова Нина твердит как мантру с тех пор, как Итан Травверс шагнул с моста под товарный поезд. Он был ей больше чем просто другом, и так она защищается от правды, чтобы не сломаться. Ведь нужно поддерживать иллюзию идеальности для семьи, у которой не самые простые времена. Ради отца, ради мамы и властной бабушки Нина продолжает ходить в школу, готовиться к поступлению и заниматься музыкой, хотя в голове продолжает крутиться вопрос «Почему? Почему? Почему?».

Но когда Кармен, старшую сестру Нины, которую всегда ставили ей в пример, выгоняют из колледжа, иллюзия начинает трещать по швам. Странное поведение сестры заставляет Нину иначе взглянуть на историю Итана, на собственную семью — и на саму себя.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Александра Самарина,
перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027
Soda Press
Copyright © 2025 by Eunice Chan
Cover Art © Adams Carvalho

ISBN 978-5-04-250913-1

Моей семье — спасибо за свет, смех и любовь

1

«Все это нереально, — твержу я себе. — Нереально».

Пальцы крепче стискивают ручку футляра, в котором лежит моя скрипка. Я иду по коридору нашего арт-корпуса, и все на меня оборачиваются. И замолкают. Будто дело вовсе не в чьей-то дурацкой шутке, будто Итан Травверс в самом деле...

— Нина! — окликает кто-то.

Оглядываюсь. Сквозь толпу пробивается Роджер Кисимото и энергично машет мне длинной худенькой рукой. Хочет, чтобы я сбавила шаг. Остановилась.

— Нина Ян! — зовет он снова, только уже громче, и я даже издалека замечаю в его взгляде тревогу...

Нет. Это все нереально. Надо найти Беатрис Рыженков. Покорее увидеться с ней. Узнать правду.

— Нина, подожди! — что есть силы кричит Роджер.

Но я срываюсь на бег, новые кроссовки скользят по истертому бетону, футляр со скрипкой бьет меня по ноге. Сегодня мы вышли с зимних каникул, второй семестр выпускного класса только начался. По коридорам разносится гул голосов, громко стучат дверцы шкафов.

— Так ты на Новый год в Париж летала?

Короткая заварушка и звонкий смех.

— Эй! Запиши мой новый номер!

— Извини, у меня баскетбол до шести. Может, завтра?

Обрывки чужих разговоров. Коллаж жизней: прошлое, настоящее, будущее...

Спешу мимо, петляю по школьным коридорам. Говорю себе: «Она может быть где угодно». К горлу тут же подкапывает знакомая горечь, напоминая об обратном.

Она стоит неподалеку от исторического корпуса: мгновенно узнаю ее спортивную фигуру, фиолетовые волосы, высокие берцы.

Бросаюсь к ней, но тут громко звонит первый звонок, возвещающий о начале занятий. Из женского туалета спешно выходит целая толпа девчонок, она подхватывает меня, разворачивает. Ноги у меня заплетаются, я падаю...

И с гулким стуком врезаюсь в ряд шкафчиков у стены. Те в ответ громко лязгают хлипкими дверцами. Парочка, обжимающаяся неподалеку, раздраженно глядит на меня.

— Не ушиблась?

Кто-то тянет ко мне руки, помогает выпрямиться. Я не отвечаю и не оборачиваюсь, потому что мой взгляд наконец выхватывает из толпы Беа — она стоит у противоположного ряда шкафчиков, крепко стиснув зубы и сжав кулаки. На костяшках алеет кровь.

— Беа? — зову я, но вместо того, чтобы обернуться ко мне, она со всей силы бьет кулаком в дверцу шкафчика Итана. А потом еще. И еще раз. Такое чувство, будто она боксировала ее все утро. И продолжит до самого вечера. — Беа, — снова зову я. Мне нужно, чтобы она на меня посмотрела...

Но она будто не слышит меня, будто не замечает зевак, собравшихся вокруг.

Я делаю к ней шаг. Тело охватывает напряжение — морально готовлюсь к ее язвительным комментариям. Она привыкла считать, что я Итану не пара.

Бам.

Новый удар получается таким громким, что я вздрагиваю.

Бам.

По щекам Беа бегут черные ручейки потекшей туши. Я впервые вижу ее слезы — раньше мне казалось, что плакать она вообще не умеет.

Бам.

Она опускает руки и отступает на шаг назад, тяжело дыша. Наши взгляды на миг встречаются, и тут я все понимаю. Вижу в них Правду.

— Нет... — Мой голос тонет в реве, который тут же поднимается в ушах. Оси дрожат, щебень летит во все стороны. Стальные колеса скрипят на стальных рельсах, набирая скорость.

«Ученик Старшей школы Дейвиса погиб на путях» — вспыхивает на экране моего телефона. А следом новостное приложение сообщает и имя погибшего. Его зовут Итан.

2

Через Дейвис — университетский городок, расположенный в северной Калифорнии, у магистрали I-80*, между Сакраменто и Заливом Сан-Франциско, — идут и грузовые, и пассажирские поезда.

Станция расположена в черте города, и потому я давно привыкла и к железнодорожным путям, и к реву поездов — они такая же часть здешнего пейзажа, как фермерские угодья и хитросплетения проложенных в округе троп и велосипедных дорожек протяженностью миль в пятьдесят**, а то и больше.

Но утром, пока я ехала в школу, меня не покидало ощущение, будто я оказалась в чужом, незнакомом мире. Вместо привычного шума утренних поездов я слышала только тяжелый стук собственного сердца.

«Это был не он», — твердила я себе, пока велосипед нес меня мимо дорогого гастронома, банка, кафе, где готови-

* I-80 — крупная магистраль в США, которая начинается в Сан-Франциско (Калифорния), а заканчивается в Тинеке (Нью-Джерси). Ее длина составляет примерно 4666 км. *Здесь и далее прим. перев.*

** Примерно 80,5 км.

ли пончики. Его имя попало в новости по ошибке. В конце концов, у нас в школе пять с лишним сотен старшеклассников...

Тут мне пришлось резко затормозить.

Кто-то перегородил путь к мосту через железнодорожные пути и поставил большой прямоугольный знак: «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Мы с Итаном часто ездили на великах этой самой дорогой: на подъезде к мосту толкались на узкой тропинке, ведущей в гору, а потом с ветерком спускались.

Позади меня развернулось несколько автомобилей, повинувшись маленьким черно-оранжевым знакам, указывавшим направление объезда.

«Нет, — думала я тогда и качала головой. — Нет». Но стук в груди становился все громче и тяжелее.

А теперь я подхожу к двойным дверям, за которыми пройдет первое занятие в этом семестре — репетиция нашего оркестра. Натужно сглатываю, стараюсь прогнать из памяти Беа, застывшую у шкафчика Итана, подтеки туши на ее щеках, окровавленные костяшки.

«Это все нереально», — напоминаю я себе.

Эти слова — стена, клин, вбитый между мною и Правдой, которую я увидела в глазах Беа.

— Ты идешь? — спрашивает литавщик, придерживая мне дверь в класс.

Да. Нет. Не знаю.

Огромным усилием заставляю себя кивнуть и, крепче сжав ручку футляра со скрипкой, делаю шаг в комнату.

В первый день после каникул в оркестре всегда царит хаос. То и дело опрокидываются складные стулья. Фаготисты с кларнетистами затеяли драку — трое на одного. Флейтисты отошли на безопасное расстояние и предусмотрительно прячутся за пюпитрами.

В дальнем углу кучкуются альтисты и громким шепотом обсуждают последние новости: их солисту недавно взбрело в голову сдать казенный альт, взять вместо него сузафон* и уйти в оркестр, который всегда развлекает публику на спортивных мероприятиях. Ну кто так делает?!

Нахожусь взглядом скрипачей и иду к ним. Боковым зрением замечаю, что в маленьком кабинетике неподалеку от входа в класс горит свет. Мистер Мартинес, наш учитель музыки, работает за ноутбуком. На столе перед ним три чашки кофе и маленькая жестяная коробочка с мятными конфетками. Топливо на грядущее утро.

Судорожно вдыхаю. Это все нереально.

Старшая школа Дейвиса занимает высокое место в национальном рейтинге и славится тем, что дает ученикам хорошую академическую базу — и уделяет огромное внимание развитию музыкальных талантов. Мистер Мартинес — строгий и требовательный преподаватель, и, когда осенью он написал мне рекомендательное письмо в колледж и помог подать несколько заявок на прохождение музыкального интенсива, я была на седьмом небе от счастья.

Пожалуй, стоило бы заглянуть к нему в кабинет и обсудить зимний репертуар для нашего струнного квартета. Попросить, чтобы посоветовал нам новый материал. В конце концов, именно он в этом учебном году поставил меня на роль солистки, которую я запорол.

Нужно во что бы то ни стало реабилитироваться в его глазах. Во всяком случае, именно это я твердила себе все каникулы. А теперь не могу думать. Не могу говорить. Миг,

* Сузафон — медный духовой инструмент с басовым звучанием.

когда наши с Беа взгляды встретились утром, снова и снова проносятся у меня в памяти.

Нереально.

— Извините... Прошу прощения. — Протискиваюсь мимо других скрипачей, пряча глаза и прижимая к груди стопку распечаток с нотами. Не хочется ни с кем разговаривать. Не хочется обращать на себя внимание.

— Нина, привет! Как прошли каникулы?

— Классная куртка.

— У тебя кроссы новые?

Мне и самой нравятся мои новенькие хайтопы и пуховик, создающий иллюзию, будто я много времени провожу на улице. Вероятнее всего, на каком-нибудь леднике. Но я не улыбаюсь в ответ и молчу. Под недоуменными взглядами одноклассников я сажусь рядом с Люси Бейерс, девушкой Роджера. На место второй скрипки.

Не первой.

Кладу ноты на пюпитр, открываю футляр, проверяю натяжение смычка, натираю его канифолью. Стараюсь заземлиться в привычном, в рутине. Напоминаю себе: вторая скрипка — это тоже неплохо, наоборот, очень даже хорошо. Хотя сама так не думаю.

Конкурс на роль концертмейстера — главной скрипки в нашем оркестре — проводили в начале декабря. Претенденток было три, включая меня. На слепых прослушиваниях нам велели сыграть один и тот же фрагмент. Все мои мысли тогда были об Итани и о нашем первом поцелуе, но я все равно ни капли не сомневалась в том, что сыграла прилично. Что обойду Люси, которая только в этом учебном году перевелась к нам из города Бойсе, штат Айдахо.

Итоги вывесили в последний учебный день перед каникулами.

Прикусываю губу, борясь с паникой, которая волнами растекается по груди, спускается по рукам до самых кончиков пальцев.

Люси сидит рядом, то так, то эдак скрещивая маленькие ноги в изящных лоферах. На ней очередной хендмейд-свитер с сайта Etsy, где можно купить одежду с надписями вроде «Будь добрее» или «Эмпатия — это круто». Сегодня у нее на груди красуется короткий совет: «Дыши».

Я вздрагиваю.

Люси запускает руку в свои блестящие рыжие волосы до плеч, наматывает на палец прядку. Деликатно откашливается:

— К-хм.

Делаю вид, что ничего не заметила.

Тогда увидимся завтра? — написала я Итану вчера в десять вечера, когда уже готовилась ко сну.

Ага.

Его ответ пришел в десять сорок. Где он тогда был? Еще дома и только собирался на улицу? Уже ехал на велосипеде? А может, добрался до моста?

Его смерть констатировали в одиннадцать пятнадцать.

Сжимаю кулаки — вдруг накатывает желание тоже что-нибудь с силой ударить. Теперь я понимаю Беа. Кусочек канифоли у меня в руке трескается от такого напора.

— Ну расскажи, — щебечет Люси, немного повысив голос и вернувшись в поле моего зрения. — Как прошел интенсив для молодых музыкантов? Ты же только недавно вернулась, да?

Наверняка ей хочется спросить совсем о другом. *Ты как? Я ужасно тебе сочувствую. Пожалуйста, если что-то понадобится — что угодно! — говори.*

— Ну да, — с трудом цежу я сквозь зубы, по-прежнему сжимая канифоль. — Нормально прошел.

Люси улыбается шире, мол, давай, расскажи поподробнее про эти полторы недели в Колорадо, расскажи, какво это — отсыпаться, пировать, дышать одним воздухом с главными музыкальными звездочками страны.

Но я молчу.

— Круто! — восклицает она наконец и тянется к своим нотам. — Рада слышать! Там же у вас собрались лучшие преподаватели! Мне было бы очень интересно поработать с Андре Вальдеччи, но у меня в эти даты была конференция по вязанию в Техасе, так что пришлось выбирать...

Потолочные светильники горят слишком ярко. Дрожащими пальцами я убираю канифоль в холщовый мешочек. Не надо было уезжать ни на какой интенсив. Лучше бы я провела каникулы с Итаном. Может, тогда все сложилось бы иначе.

— По местам! — командует мистер Мартинес и жестом зовет Люси в начало класса. У меня екает сердце.

Люси послушно выходит, поднимает скрипку, выводит чистейшую ля.

Мы — секция за секцией — подстраиваемся под ее инструмент. Ее, а не мой. Сперва подключаются деревянные духовые, потом медные, затем — низкие струнные, и только за ними скрипки. Сначала звуки плывут вразнобой, но вскоре сливаются в единую стройную ноту.

Когда Люси возвращается на свое место, я делаю вид, что внимательно изучаю распечатки, хотя перед глазами все плывет и вместо нотного стана, нот и примечаний о темпе и громкости я вижу только мешанину линий и точек.